

УДК 1

DOI: 10.34670/AR.2022.71.40.015

П.А. Кропоткин и Л.Н. Толстой: общее и особенное в практической философии

Давыденкова Антонина Гилеевна

Почетный работник агропромышленного комплекса России,
доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философии и социально-гуманитарных наук,
Санкт-Петербургский государственный аграрный университет,
196600, Российская Федерация, Санкт-Петербург,
Петербургское шоссе, 2;
e-mail: ant-daga@mail.ru

Алябьева Светлана Валерьевна

Кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук,
Санкт-Петербургский государственный аграрный университет,
196600, Российская Федерация, Санкт-Петербург,
Петербургское шоссе, 2;
e-mail: sveta.alabeva@yandex.ru

Аннотация

Предметом данного исследования является специфика проявления практических сторон философствования, поэтому темой статьи стал сравнительный анализ идей о социокультурной природе человека двух русских философов, принадлежащих одной исторической эпохе. Цель, поставленная нами, заключается в доказательстве того, что единые этико-нравственные послы могут иметь разные базы аргументации. Методология проведения работы опирается на историко-философский анализ и сравнительно-описательные характеристики произведений П.А. Кропоткина и Л.Н. Толстого. Полученные результаты исследования дают нам сделать следующие выводы: натуралистическая этика Кропоткина как наука о должном и как синоним нравственности базируется на идее всеобщности процесса эволюции; в учении Толстого о моральном утилитаризме центральной мыслью является утверждение о ненасилии как феномене, обеспечивающем решение главной этической проблемы борьбы добра и зла в пользу добродетели и социального блага; общей для этических воззрений Кропоткина и Толстого была их социальная заостренность; социальная направленность этики у Кропоткина обеспечена всеобщностью в Природе и Обществе принципа взаимной помощи и поддержки; для Толстого она рационалистически оправдана и базируется на человеческой солидарности и справедливости, основанной на христианских заповедях блаженства.

Для цитирования в научных исследованиях

Давыденкова А.Г., Алябьева С.В. П.А. Кропоткин и Л.Н. Толстой: общее и особенное в практической философии // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Том 11. № 5А. С. 120-131. DOI: 10.34670/AR.2022.71.40.015

Ключевые слова

Социокультурная природа человека, фундаментальные основы человеческой культуры, натуралистическая этика, альтруизм, моральный утилитаризм, принцип взаимной помощи, солидарность, справедливость, этика любви и непротivления.

Введение

Актуальность темы ценностных систем современности заставляет нас обращаться к истории идей. Философия ценностей всегда связана с практическим выбором критериев, которыми должен руководствоваться человек, определяясь в мире ценностей: что считать истиной, добром, благом и т.п. Русский философ Н.А. Бердяев в своей работе «Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы» писал: «Человек есть в высшей степени историческое существо... Между человеком и «историческим» существует такое глубокое, такое таинственное в своей первооснове сращение, такая конкретная взаимосвязь, что разрыв их невозможен... Нельзя рассматривать человека вне глубокой духовной реальности истории» [Бердяев, 1969, 13]. Но и в одно и то же историческое время люди в своих взглядах отстаивают разные позиции, да и доказательства своей правоты обосновывают различной аргументацией. Мы попытаемся сравнить позиции двух отечественных мыслителей, живших в одну историческую эпоху, представляющих одну идейную ветвь, но с принципиально разной спецификой ее обоснования.

Основная часть

Имея социокультурную природу, человек воспитывается скорее в направлении добра, чем зла. Такой подход не противоречит научному знанию о происхождении, природе и сущности человека. Процессы его формирования и развития шли в русле постоянного усиления как природных факторов (общение в игровой форме, рефлекс общительной солидарности, взаимопомощь и поддержка, альтруизм и т. д.), так и сугубо социальных, надприродных начал (сознание, целенаправленная деятельность, труд, культура и т. д.). И природные факторы, и составляющие социального порядка способствуют утверждению того, что максимально сближает людей, делает их сплоченнее, а не отчуждает людей друг от друга. Как отмечает московский профессор В.М. Артемов, в этике это такое ключевое понятие как взаимная помощь и поддержка, солидарность в самом широком смысле. Он пишет: «Даже Ч. Дарвин указывал на значимость фактора взаимопомощи. Затем эту линию в собственно этическом ключе продолжит П.А. Кропоткин. Проявляющаяся еще на уровне животного мира взаимопомощь рассматривалась им в качестве своеобразного минимума нравственности (выделено нами – *авт.*), как надежной скрепы в обществе и позиционировалась в качестве одной из приоритетных ценностей» [Артемов, 2015, 15-16]. Другими словами, речь у Кропоткина шла о натуралистических началах системы нравственно-этических ценностей.

Социум представлялся Кропоткину единым организмом, основанным на наличии в нем

общих нужд, единых интересов и потребностей, объединяющих целей. Их базовой основой выступает формирование и распространение инстинкта общительности и солидарности, унаследованного человеком у животных. Теория Кропоткина о взаимопомощи и взаимной поддержке базировалась на идее общественной солидарности и взаимодействии его петербургского современника профессора К.Ф. Кесслера. Объектом анализа в работе Кропоткина «Взаимная помощь как фактор эволюции», таким образом, стали основные формы реализации этих моментов общности. На заре человечества люди естественным образом вырабатывали первоначальные общественные учреждения и традиции, отвечавшие потребностям их жизни. Эти родовые обычаи становились простыми нормами нравственности. Эпоха варварства дала новый круг «общительных обычаев»: общее землевладение и землепользование, судебные права мирского схода, выборность администрации на местах, объединение деревенских общин в союзы или федерации. Общинная форма жизни привела к существенному расширению свободы индивидуума и его прав. Эпоха цивилизации ознаменовалась возникновением «народоправства вольных городов» с цеховой (гильдейской) организацией. «Братство» становилось важнейшей чертой жизни и быта гильдий, свободного города и союза городов [Кропоткин, 1922].

Отличительным свойством способа мышления и методологии Кропоткина являлось то, что обобщение им фактов науки и истории базировалось на естественнонаучных методах исследования таких явлений. Как философ и ученый-естествоиспытатель он привязан к тем реальностям, которые даны в опыте науки или эмпирии социальной практики. Поэтому основательность его суждений неотделима от эмпирического материала, который он широко использовал и интерпретировал в теоретических построениях. Самым непосредственным образом это относится к разработке проблемы справедливости в ее социально-этическом и духовно-нравственном аспектах. Справедливость в философии Кропоткина выступает важнейшим общечеловеческим началом. Вместе с тем она является той целью, к которой стремится историческое развитие социума. В этом плане модусами справедливости становятся свобода, равенство и взаимная солидарность. Кропоткин пишет в работе «Нравственные начала анархизма», что «равенство во взаимных отношениях и вытекающая из него солидарность – вот самое могучее оружие животного мира в борьбе за существование. Равенство – это справедливость. Объявляя себя анархистами, мы заранее тем самым заявляем, что мы отказываемся обращаться с другими так, как не хотели бы, чтобы другие обращались с нами; что мы не желаем больше терпеть неравенства, которое позволило бы некоторым из нас пользоваться своей силой, своей хитростью или смышленостью в ущерб нам. Равенство во всем – синоним справедливости» [Кропоткин, 1991, 301].

Кропоткин исходил из выяснения роли в человеческой эволюции столкновения индивидуальных и социальных инстинктов. Индивидуальные инстинкты являются важнейшим фактором человеческого развития и роста, а социальные инстинкты выступают основой взаимной помощи и общественной солидарности. Свобода каждого в таком случае не является пределом свободы другого, напротив, свобода индивида расширяется свободой другого и всех. Эта свобода – торжество взаимной солидарности, в ней она находит свое выражение и подтверждение. Мысль Кропоткина о диалектике взаимодействия индивидуального, неповторимого в человеке и социального, родового в нем же созвучна идее выдающегося деятеля культуры Серебряного века А.Ф. Лосева о закономерности существования в человеческой истории двух традиций: индивидуалистической и коллективистской.

Среди таких свойств человеческой природы как стремление к справедливости, равенству и

свободе Кропоткин называет и нравственность, понимаемую в качестве фундаментальной основы человеческой культуры. Нравственность для него – это нравственный поступок на уровне бессознательного, неререфлектируемого отношения к действительности, это, наконец, мощнейший регулятор отношений между людьми. Нравственность выводится русским ученым из естественной эволюции жизни, то есть она лежит в основе его натуралистической этики.

В фундаменте его этической системы лежат зачатки альтруизма, которые мы можем наблюдать почти у всех живых существ. Кропоткин писал: «Мы легко различаем три основных элемента, три составные части нравственности; сперва – *инстинкт общительности*, из которого развиваются дальнейшие привычки и нравы; затем *понятие о справедливости*; и на почве этих двух развивается третий элемент нравственного – чувство, которое мы называем не совсем правильно *самоотвержением* или же *самопожертвованием, альтруизмом, великодушием*, чувство, подтверждаемое разумом, которое составляет, в сущности, именно то, что следовало бы назвать *нравственным чувством*. Из этих трех элементов, совершенно естественно развивающихся во всяком человеческом обществе, слагается нравственность» [там же, 270-271]. Итак, говоря об особенностях натуралистической этики Кропоткина, можно согласиться с выводом современного исследователя о том, что главный итог философских рассуждений Петра Алексеевича «всегда один – основы нравственности неизменны, каждая цивилизация (понимаемая Кропоткиным в довольно широком смысле), всякая революция начинается с возвращения к «природной» этике» [Филатова, 2012, 148].

Кропоткин высоко ценил разработку проблемы справедливости как центрального звена этики П.Ж. Прудона. Для последнего идея справедливости выступала высшим законом социума и мерой человеческих дел. Кропоткина как ученого не устраивало одно, а именно то, что Прудон к понятию справедливости подходил с мерками метафизика, полагая ее некоей высшей идеей, подобной одной из составляющих мира идей Платона. Русский ученый стремился идею справедливости найти и обосновать всей исторической эволюцией общества. Его личные наблюдения, работы современных ему антропологов, социологов и историков позволили сделать вывод о том, что представление о справедливости зарождалось в практике человеческого общежития на самых ранних ступеньках его существования. А так называемое «золотое» правило морали сложилось уже в практике взаимоотношений первобытных людей. Кропоткин формулирует его в следующих словах: «Если ты хочешь счастья, то поступай с каждым человеком так, как бы ты хотел, чтобы поступали с тобою. И если ты чувствуешь в себе избыток сил, любви, разума и энергии, то давай их всюду, не жалея, на счастье других: в этом ты найдешь высшее личное счастье» [Кропоткин, 1921, 24].

Требование справедливости – требование одновременно и экономическое, и социальное, и нравственно-этическое. При этом справедливость еще не дает всей нравственности. Не менее важным условием нравственности выступает готовность к самопожертвованию. Альтруизм человека ради счастья и развития других людей Кропоткин считал нравственностью в собственном смысле слова. Отдача себя людям без мотивов корыстных – в этом русский философ-гуманист видел основу нравственного фундамента будущего общества. Поступок определялся им как критерий нравственного поведения человека. Поэтому целью этики провозглашался идеал, который вел бы людей инстинктивно к действию в должном направлении. Можно провести определенную параллель между этическими представлениями Кропоткина и идеями нового гуманизма в этической концепции немецкого философа-гуманиста Альберта Швейцера. В работе Швейцера «Культура и этика» есть очерк под названием «Мировоззрение благоговения перед Жизнью». По Швейцеру, именно инстинктивное

переживание составляет самую существенную связь человека с миром. Первоначалом человеческого бытия является древнее и всеобъемлющее чувство: «Я есть жизнь, которая хочет жить», то есть само бытие рассматривается как универсальная воля к жизни. Поэтому смысл человеческой жизни происходит не от разума и не от самой деятельности, а от воли. Смысл этот заключается в благоговейном отношении ко всякой жизни: хорошо поддерживать, возвращать жизнь, возвышать ее до высшей, то есть человеческой, ценности, плохо – уничтожать жизнь, вредить ей, стеснять ее. Благоговение перед жизнью и оценка человека как высшей ценности составляют, согласно Швейцеру, основу нового гуманизма.

Существенной стороной коллективистской этики Кропоткина, которая становится столь актуальной сегодня, выступает вопрос о корнях нравственных чувств человека. И здесь он опирается на европейскую традицию социального гуманизма, которую разрабатывали Прудон, французский философ-моралист Гюйо и др. Именно Гюйо сформулировал положение о том, что альтруизм является осознанием человеком своей силы, духовной и физической, действием, которое идет от избытка сил и направлено на благо общества. Причем альтруистическим поступок становится лишь тогда, когда человек не претендует на какое-либо воздаяние. Его деятельность осуществляется в силу внутренней убежденности в необходимости поступка для общества, обосновывается чувством долга перед другими. «Мы, – писал Гюйо, – можем свести долг на сознание известной внутренней *мощи*. Внутренно почувствовать то наибольшее, на что мы *способны*, значит тем самым впервые сознать то, что мы *должны* сделать. Долг ... есть изобилие жизни, которое стремится проявиться. До сих пор чувство долга обыкновенно истолковывали как чувство *необходимости* или *принуждения*, но, в действительности, это, прежде всего, чувство *мощи*» [Гюйо, 1923, 64-65].

В основу натуралистической этики Гюйо закладывает понятие «жизнь» в наиболее широком понимании. Жизнь есть рост, развитие и усложнение, поэтому этика как практическая философия, по Гюйо, есть учение о средствах, которые способствуют жизни. Нравственность – важнейшее из этих средств. Нравственное в человеке не нуждается ни в принуждении, ни в санкции свыше (со стороны государства, церкви, любой официальной структуры), оно развивается в силу естественной потребности в жизни и жизнедеятельности.

Истинная нравственность, как вслед за Гюйо подчеркивает Кропоткин, начинается тогда, когда человек, чувствуя в себе избыток ума и воли, совершает поступки во благо всех. Философия нравственности становится состоятельной тогда, когда она опирается на практику взаимопомощи, на стремление к справедливости и способность человека к самопожертвованию. Этика – это форма консолидации общества, позволяющая индивиду максимально реализовать свой творческий потенциал, гармонизировать отношения личности и общества. Этическая критика Кропоткиным современных ему общественных отношений, социальных и культурных условий цивилизационного развития давала его концепции ряд важных преимуществ по сравнению с другими социальными учениями. Она значительно выигрывала, например, в этом плане по сравнению с теорией социал-демократии, классическим марксизмом. И в то же время она была гораздо более доступна массовому сознанию.

Свою работу над этикой Кропоткин рассматривал как завершение формирования анархо-коллективистского учения. Как социальный реформатор, Кропоткин смотрел на этику не как на отвлеченную науку, но видел в ней, прежде всего, руководство людям в их практически-преобразующей деятельности. При этом он учитывал негативный опыт забвения нравственности, несоблюдения простейших моральных норм в годы первой мировой войны, затем войны гражданской. Глубинные основы нравственных начал, по Кропоткину, – это не

априорный категорический императив Канта, и не упрощенные представления старого материализма о всемогуществе внешней среды, формирующей мораль, а способность человека к самоотдаче во благо многих, практика альтруизма и солидарности. Вслед за английским философом-моралистом И. Бенхамом он определяет формулу прогресса как наибольшее счастье наибольшего числа людей. Эти нравственные ценности кропоткинской доктрины, которая стала уже достоянием истории, сверхактуальны сегодня, когда прикладываются определенные усилия по возвращению в сознание россиян традиционных русских нравственных максим.

Не менее значимым сегодня выступает в аспекте воспитательном общественно-политическое и литературное творчество Л.Н. Толстого. Этическая проблематика по праву занимала в его великом литературном наследии ведущее положение. Недаром Толстой учил, что люди только делают вид, что они воюют, торгуют и строят, главное, что они делают всю жизнь, - «решают нравственные проблемы». Среди публицистических работ Толстого главные в этом плане: «Краткое изложение Евангелия» (1881), «В чем моя вера» (1884), «Так что же нам делать?» (1885), «Царство Божие внутри вас, или Христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание» (1893), «О существующем строе» (1896) и др. Как философ-моралист Толстой являлся религиозным мыслителем. Его идейное воздействие на русскую неохристианскую философскую мысль в целом и на культуру «Серебряного века» огромно.

Основой своей этической и социальной концепции Толстой берет христианство. Однако, это не то христианство, которого придерживалась официальная церковь, а христианство первых веков своего существования. Христианство Толстого – это религия безличного бога. Бог есть существо вечное, живущее внутри каждого человека и руководящее им в поисках справедливости и нравственности. Бог есть существо, к которому стремятся люди, они знают, что он есть, но постичь, познать его не могут. Поэтому человеческая жизнь есть ничто иное, как стремление к Богу-истине, к нравственно-этическому идеалу. В 1880 – 1881 гг. Толстой написал обширный труд, получивший впоследствии название «Соединение и перевод четырех Евангелий», в котором дал свою трактовку христианского учения. Идея безличного бога – одна из ведущих в толстовской интерпретации христианства. Писатель утверждал, что «царство Божие не во времени и не в месте в каком-нибудь, оно, как молния, и здесь, и там, и везде – и нет ему ни времени, ни места, потому что вот оно где: оно внутри вас» [Толстой, 1957, 190-191]. И Бог, и царство Божие, учил Толстой, они в людях, и не нужно искать каких-либо особых видимых признаков их существования, ибо их нет. Но Бог есть уже потому, что есть человеческая жизнь. Это главный аргумент бытия Божия.

Отторжение великого писателя официальной церковью в немалой степени было вызвано именно своеобразным пониманием Толстым христианской догматики. Следует отметить, что под прямым воздействием русского философа-моралиста сложилось целое этико-религиозное течение в отечественной культуре, получившее название толстовства. В определении святейшего Синода от 20 – 22 февраля 1901 года говорится, что Толстой посвятил свою литературную деятельность и талант «на распространение в народе учений противных Христу и церкви...» [Венгеров, 1901].

Христос, по мысли Толстого, человек. Его учение – это учение житейской мудрости, нравственных заветов и сбывающихся пророчеств. Но это не божественное откровение. Отсюда вытекает необходимость отбросить все официальные трактовки христианского учения и каждому вчитываться и вникать в суть Евангелий. И тогда откроется, что наивысшим законом учения Христа является любовь к ближнему, любовь человека к себе подобным. Она, эта всечеловеческая любовь, составила основу нравственно-философской системы самого Толстого.

Любить людей, доказывал Толстой, следует уже потому, что они люди. Это значит, что вести себя по отношению к другим следует так, как мы ведем себя по отношению к близким нам людям. Такое поведение человека основывается не на инстинкте любви, а на требовании морального закона, который повелевает видеть во всех людях своих братьев. Толстой, – писал С.Л.Франк, – «делает отсюда вывод, что любовь к людям требует для своей наличности и крепости опоры в ином чувстве – в религиозно-метафизической санкции, в присущей людям любви к Существо, олицетворяющему нравственный закон» [Франк, 1990, 48].

Этика любви и непротивления составляет сердцевину философии и религии Толстого. Она рационалистична по своей сути, как в целом рационалистична и его религия. Всякий раз, когда Толстой говорит о Боге или бессмертии, он подчеркивает, что ему чужд мистицизм. Неприемлемой для него была и модная тогда теософия. Хотя стиль языка сочинений Толстого по проблемам этики и религии близок к богословскому изложению, он постоянно настаивает на чисто философском толковании религиозно-нравственных понятий. По убеждению Толстого, все, что носит общечеловеческий характер, может быть оправдано разумом. Этика, считал Толстой, должна приниматься последователем любой религии, ибо она исходит из общечеловеческого, а, значит, не заключает в себе ничего, что было бы противно человеческому разуму. В «Исповеди» (1879) он формулирует собственный символ веры, утверждая, что религиозная вера и этика необходимо нуждаются в доказательствах «от разума».

Толстовская этика, помимо своего рационалистического характера, отличается и социальной заостренностью. Она ориентирована на признание равенства всех людей, базируется на принципах солидарности и справедливости, находит свою основу в проповеди Христа. Христос, говорил Толстой, жалел людей за то, что они не знают истинного блага, и он учил их, что блаженны те, у кого нет собственности, и кто не заботится об ее сохранении. Нищие и угнетенные – они в воле Бога-Отца, им принадлежит вечность. А те, кто богат, они пребывают в жизни временной. Для того, чтобы исполнить волю отца, дающего жизнь и благо всем людям, надо придерживаться пяти заповедей. И Толстой формулирует эти заповеди:

«Первая заповедь. Не обижать никого и делать так, чтобы ни в ком не возбудить зла, потому что от зла заводится зло.

Вторая заповедь. Не любезничать с женщинами, не оставлять той жены, с какой сошелся, потому что оставление жен и перемена их производит все распутство на свете.

Третья заповедь. Ни в чем не клясться, потому что ничего нельзя обещать, так как человек весь во власти Отца, и клятвы берутся для злых дел.

Четвертая заповедь. Не противиться злу, терпеть обиду и делать еще больше того, чем то, что требуют люди: не судить и не судиться, потому что человек сам полон ошибок и не может учить других. Мщением человек только учит других тому же.

Пятая заповедь. Не делать различия между своим Отечеством и чужим, потому что все люди дети одного Отца. Соблюдать эти пять заповедей должно не для того, чтобы заслужить похвалу от людей, а для себя» [Толстой, 1957, 839].

Этим пяти правилам поведения людей в обществе Толстой давал самое широкое толкование. Из них он выводил свое учение христианско-этического анархизма. Толстой доказывал, что жить за счет других, их труда, это, значит, нарушать самый существенный закон природы, закон равенства. Мыслитель настаивал на необходимости упрощения образа жизни – в пище, одежде, жилье. Физический труд, по его словам, особенно труд земледельческий, благотворен для человека, способствует его нравственно-духовному развитию. С всею силой своего таланта Толстой показывал несовершенство человеческой природы, обличал страсть к

стяжательству, жадность. Толстой как проповедник нравственного возрождения людей оказал огромное влияние на развитие народной культуры и культуры религиозно-оппозиционной.

Проблема насилия изначально была переведена Толстым в область нравственную. Отрицание насилия он выводил, с одной стороны, из учения о том, как человек должен поступать относительно других людей с тем, чтобы жить правильно, т.е. из этики, а с другой – из философии социального непротивления. Как писал академик В.Ф. Асмус, Толстым «выдвигается мысль, будто единственным жизненно правильным образом действий человека, испытывающего на себе самом насилие власти должно быть терпение и покорность, т.е. непротивление» [Асмус, 1961, 71].

Насилие, согласно Толстому, несовместимо ни с буквой, ни с духом раннехристианского учения, его этической проповедью. Доказательству этого положения он посвящает специальную главу своего трактата «Царство Божие внутри Вас». По Толстому, христианство, если оно проповедует не Христа «казнящего», но Христа прощающего и не воюющего, то оно только в этом случае становится учением нравственным. Отрицание насилия есть, во-первых, частный случай из всеобщего этического закона человеческой любви и братства, а во-вторых, насилие неприемлемо из-за невозможности однозначно определить – что есть зло. Учение о непротивлении Толстого не следует понимать так, что оно будто бы запрещает борьбу со злом. Это учение лишь запрещает в борьбе со злом прибегать к насилию. Ненасилие дает возможность человечеству и отдельному индивиду разорвать порочный круг зла. Оно становится таким образом базовым основанием его морального утилитаризма.

Предысторией философии морального утилитаризма Толстого можно назвать взгляды Бернарда Мандевиля, англо-голландского философа-этика, политического экономиста, сатирика, известного своей «Басней о пчелах» [Мандевиль, 1974]. Это острая сатира на современное ему общество. В ней изображена жизнь улья, в котором процветают пороки. Каждый его обитатель заботится только о своих интересах. Чтобы покарать пчел, Юпитер делает их всех честными. Это приводит к разорению улья. Таким образом, Мандевиль высказывает идею о неизбежности прагматики зла в условиях социального неравенства. Эта идея была направлена против взглядов Шефстбери – Хатчесона и развита Гегелем, впоследствии высоко оценена Марксом. Мандевиль был противником учения о врожденном моральном чувстве. Он критиковал эгоистичность, порочность человеческой природы. Для него была очевидной недостаточность правовых регуляторов в обществе. Решение общественных проблем он связывал с необходимостью широкого распространения моральных норм.

Центральной ценностью культуры, по Толстому, и мы это подчеркиваем, становится принцип непротивления. Понятия непротивления определяет смысл культурного и нравственного делания и является духовным стержнем, который скрепляют человеческую культуру, культура, в основе которой проявление духовности и нравственности противостоит, по мнению мыслителя, современной цивилизации, в которой царствуют идеалы насилия. Культура насилия связана с желанием обладания и удовольствия, что, в свою очередь, порождает человеческий эгоизм и жадность, стремление к чувственным наслаждениям. «Мы устроили себе жизнь, – пишет Толстой в работе «Что же нам делать?» – противную и нравственной и физической природе человека, и все силы своего ума напрягаем на то, чтобы уверить человека, что это – то и есть самая настоящая жизнь. Все, что мы называем культурой: наши науки и искусства, усовершенствования приятностей жизни, – это попытки обмануть нравственные требования человека; все, что называем гигиеной и медициной, – это попытки обмануть естественные, физические требования человеческой природы [Толстой, 1938, 386].

Для Толстого современная ему цивилизация ориентируется на сферу материального. В силу этого она прагматична и утилитарна, поэтому он и формулирует идею морального утилитаризма. Моральный утилитаризм в философии культуры мыслителя связан с рационализмом и идеей нравственного упрощения. Хотя в целом утилитарная философия в западном ее понимании ориентирована на моральные ценности поведения и поступка, связанные с идеей полезности. Полезность трактуется как интегральное удовольствие общественной группы и социальное счастье. Этика утилитаризма развивалась Адамом Смитом, Джереми Бентамом и Джоном Стюартом Миллем. Для морального утилитаризма же Толстого характерно то, что культура должна быть ориентирована, прежде всего, на нравственные ценности отдельного человека, индивидуальной личности. Подчеркивая это, Иван Александрович Ильин, русский философ, писатель и публицист отмечал, что моральный утилитаризм Толстого связан с кризисом христианской культуры в целом, его учение основано на кризисе возшедшей на христианских дрожжах культуры, постепенно дехристианизирующейся и уже переставшей быть существенно христианской [Ильин, 2004].

Культура в понимании Толстого должна быть нравственно-религиозной, то есть подлинной, подчиняющейся высшим духовным идеалам. Эта трактовка сущности культуры стала ведущей в российской культуре Серебряного века. Культура по Толстому определяется следующими критериями:

- в ее основе обязательно наличие принципа религиозного единения личности с Богом, с природой, с другими людьми (в этом контексте он разрабатывает понимание личности как наличие внешнего и внутреннего в каждом человеке);
- культура конкретизируется в таких сферах как образование, религия, искусство, наука; все они должны выражать идею, объединяющую людей и народы, а выражение этой идеи концентрируется в этических принципах любви и непротivления;
- культура представляет собой систему интегрирующую, объединяющую и устремляющуюся к высшим идеалам, в основе которых духовное совершенствование человечества.

Исходя из этих критериев, Толстой подвергает критике современную ему культуру, науку, искусство и религию как обслуживающие формы существования буржуазной цивилизации. И в этом плане нигилизм Толстого по отношению к культуре можно определить, как нигилизм оптимистический и жизнеутверждающий.

Заключение

В качестве выводов укажем следующее, относящееся к особенному и общему в философии русских мыслителей:

Во-первых, натуралистическая этика Кропоткина как наука о должном и как синоним нравственности базируется на идее всеобщности процесса эволюции, что характерно для феноменов Природы и Человеческого общества. Она, вместе с тем, стала для него основой критики современной ему цивилизации. А в целом этика в философских рассуждениях Кропоткина есть ведущий критерий человеческого прогресса и фактор, который этот прогресс обеспечивает.

Во-вторых, в учении Толстого о моральном утилитаризме центральной мыслью является утверждение о ненасилии как феномене, который обеспечивает решение главной этической проблемы борьбы добра и зла в пользу добродетели и социального блага. Критика Толстым

современной ему культуры в силу присущей ей прагматике носит не нигилистический характер, а она оптимистична по своим родовым признакам.

В-третьих, общей для этических воззрений Кропоткина и Толстого была их социальная заостренность. Для Кропоткина эта социальная направленность этики обеспечена всеобщностью в Природе и Обществе принципа взаимной помощи и поддержки, а для Толстого она рационалистически оправдана и базируется на человеческой солидарности и справедливости, основанной на христианских заповедях блаженства.

Библиография

1. Артемов В.М. Человек как предмет философского осмысления: от онтологии к этике // Нравственность, свобода, право: пути сближения. М., 2015. С. 15-16.
2. Асмус В.Ф. Мироззрение Толстого // Лев Толстой. М., 1961. Кн. 1. С. 35-102.
3. Бердяев Н.А. Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы. Париж, 1969. 268 с.
4. Венгеров С. Толстой // Энциклопедический словарь. СПб., 1901. Т. XXX. С. 456.
5. Гюйо Ж.М. Нравственность без обязательства и без санкции. М.: Голос труда, 1923. 144 с.
6. Ильин И.А. Основы христианской культуры; Путь духовного обновления. СПб.: Шпиль, 2004. 351 с.
7. Кропоткин П. Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса. М., 1922. 342 с.
8. Кропоткин П. Речи бунтовщика. М., 1921. 361 с.
9. Кропоткин П.А. Справедливость и нравственность // Этика: Избранные труды. М., 1991. С. 260-371.
10. Кропоткин П.А. Этика: Избранные труды. М., 1991. 496 с.
11. Мандевиль Б. Басня о пчелах. М., 1974. 376 с.
12. Толстой Л.Н. Краткое изложение Евангелия // Полное собрание сочинений в 90 томах. М.: Художественная литература, 1938. Т. 24. С. 801-940.
13. Толстой Л.Н. Соединение и перевод четырех Евангелий // Полное собрание сочинений в 90 томах. М.: Художественная литература, 1957. Т. 24. С. 7-800.
14. Толстой Л.Н. Что же нам делать? // Полное собрание сочинений в 90 томах. М.: Художественная литература, 1938. Т. 25. 925 с.
15. Филатова Е.В. Этика как основа философии П.А. Кропоткина. М.: РОССПЭН, 2012. С. 130-155.
16. Франк С.Л. Фр. Ницше и этика «Любви к дальнему». М., 1990. С. 6-64.

P.A. Kropotkin and L.N. Tolstoy: general and special in practical philosophy

Antonina G. Davydenkova

Honorary Worker of the Agro-Industrial Complex of Russia.
Doctor of Philosophy, Professor,
Professor of the Department of Philosophy and Social Science,
Saint Petersburg State Agrarian University,
196600, 2, Petersburgskoe h., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: ant-daga@mail.ru

Svetlana V. Alyab'eva

PhD in Philosophy,
Associate Professor of the Department of Philosophy and Social Science,
Saint Petersburg State Agrarian University,
196600, 2, Petersburgskoe h., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: sveta.alabeva@yandex.ru

Abstract

The subject of this study is the specifics of the manifestation of practical aspects of philosophizing, therefore, the topic of the article was a comparative analysis of the ideas about the socio-cultural nature of man by two Russian philosophers belonging to the same historical epoch. The goal set by us is to prove that common ethical and moral messages can have different bases of argumentation. The methodology of the work is based on historical and philosophical analysis and comparative and descriptive characteristics of the works of P.A. Kropotkin and L.N. Tolstoy. The results of the study allow us to draw the following conclusions: Kropotkin's naturalistic ethics as a science of due and as a synonym for morality is based on the idea of the universality of the process of evolution; in Tolstoy's teaching on moral utilitarianism, the central idea is the assertion of nonviolence as a phenomenon that provides a solution to the main ethical problem of the struggle between good and evil in favor of virtue and social good; common to the ethical views of Kropotkin and Tolstoy was their social sharpness; the social orientation of ethics in Kropotkin is ensured by the universality in Nature and Society of the principle of mutual assistance and support; for Tolstoy, it is rationalistically justified and based on human solidarity and justice based on the Christian beatitudes.

For citation

Davydenkova A.G., Alyab'eva S.V. (2022) P.A. Kropotkin i L.N. Tolstoi: obshchee i osobennoe v prakticheskoi filosofii [P.A. Kropotkin and L.N. Tolstoy: general and special in practical philosophy]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 11 (5A), pp. 120-131. DOI: 10.34670/AR.2022.71.40.015

Keywords

Socio-cultural nature of man, fundamental foundations of human culture, naturalistic ethics, altruism, moral utilitarianism, the principle of mutual assistance, solidarity, justice, ethics of love and non-resistance.

References

1. Artemov V.M. (2015) Chelovek kak predmet filosofskogo osmysleniya: ot ontologii k etike [Man as a subject of philosophical reflection: from ontology to ethics]. In: *Nravstvennost', svoboda, pravo: puti sblizheniya* [Morality, freedom, law: ways of rapprochement]. Moscow.
2. Asmus V.F. (1961) Mirovozzrenie Tolstogo [Tolstoy's worldview]. In: *Lev Tolstoy* [Leo Tolstoy]. Moscow. Book 1.
3. Berdyaev N.A. (1969) *Smysl istorii. Opyt filosofii chelovecheskoi sud'by* [The meaning of history. Experience of the philosophy of human destiny]. Paris.
4. Filatova E.V. (2012) *Etika kak osnova filosofii P.A. Kropotkina* [Ethics as the basis of P.A. Kropotkin]. Moscow: ROSSPEN Publ.
5. Frank S.L. (1990) *Fr. Nitsche i etika «Lyubvi k dal'nemu»* [Nietzsche and the ethics of "Love for the Far"]. Moscow.
6. Guyot J.M. (1923) *Nravstvennost' bez obyazatel'stva i bez sanktsii* [Morality without obligation and without sanction]. Moscow: Golos truda Publ.
7. Il'in I.A. (2004) *Osnovy khristianskoi kul'tury; Put' dukhovnogo obnoveniya* [Fundamentals of Christian culture; The path of spiritual renewal]. St. Petersburg: Shpil' Publ.
8. Kropotkin P.A. (1991) *Etika: Izbrannye trudy* [Ethics: Selected Works]. Moscow.
9. Kropotkin P. (1921) *Rech' buntovshchika* [Rebel speeches]. Moscow.
10. Kropotkin P.A. (1991) Spravedlivost' i nravstvennost' [Justice and Morality]. In: *Etika: Izbrannye trudy* [Ethics: Selected Works]. Moscow.
11. Kropotkin P. (1922) *Vzaimnaya pomoshch' sredi zhivotnykh i lyudei kak dvigatel' progressa* [Mutual assistance among animals and people as an engine of progress]. Moscow.
12. Mandeville B. (1974) *Basnya o pchelakh* [The Fable of the Bees]. Moscow.

-
13. Tolstoy L.N. (1938) Chto zhe nam delat'? [What do we do?]. In: *Polnoe sobranie sochinenii v 90 tomakh* [Complete works in 90 volumes]. Moscow: Khudozhestvennaya literature Publ. Vol. 25.
 14. Tolstoy L.N. (1938) Kratkoe izlozhenie Evangeliiya [Summary of the Gospel]. In: *Polnoe sobranie sochinenii v 90 tomakh* [Complete works in 90 volumes]. Moscow: Khudozhestvennaya literature Publ. Vol. 24.
 15. Tolstoy L.N. (1957) Soedinenie i perevod chetyrekh Evangelii [Collection and translation of the four Gospels]. In: *Polnoe sobranie sochinenii v 90 tomakh* [Complete works in 90 volumes]. Moscow: Khudozhestvennaya literature Publ. Vol. 24.
 16. Vengerov S. (1901) Tolstoy [Tolstoy]. In: *Entsiklopedicheskii slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. St. Petersburg. Vol 30.